

П.С. ЛЕМЕЩЕНКО

Теория хозяйства: предмет науки и личность ученого

Сознает ли человек, что он на самом деле творит, непрерывно хозяйствуя, да все больше по-новому, по иному, почти уже и не по-человечески? ...Сознание человека – демиургическое сознание!
Ю.М. Осипов.

Любая новая идея проходит в своей эволюции три стадии: этого не может быть, в этом что-то есть, так что же здесь такого удивительного?

Экономическая наука также противоречива и даже трагична, как и сама история, хозяйственная практика. Конечно, в спрессованном времени истории оценки современников о прошлых временах экономики и науки почти всегда абстрактно-логичны, лишены эмоций неких важных подробностей о личности ученых, их судьбе, тайных и явных пластах дискуссий, мотивах их иницирующих, результатах и о том, как чья-то идея в умах людей и в целом мире отзовется. Большой объем информации, видимо, подталкивает людей к специализации и поэтому весьма мало можно найти работ, посвященных к такому синкретичному анализу теорий или теории с реальной практикой. Наши наблюдения за этими двумя взаимосвязанными явлениями позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, теория экономики как форма общественного сознания всегда отстает от изменяющихся реалий. Парадокс состоит в том, что редко кто обладает талантом, трудолюбием и смелым нахальством сделать попытку выйти за существующие каноны взглядов на хозяйственный мир. Инквизиция приучила к определенному «порядку»... А поскольку изменения происходили как правило революционно, то мыслителям оставалось лишь переосмысливать свершившееся. Ближайший пример – «перестройка» 80-х годов, темы и результаты которой даже ЦРУ не предвидела. Во-вторых, ревизии или, как принято сейчас писать, рефлексии свои идеи и теории подвергаются крайне, крайне редко. Речь не идет о переоценке своего отношения ученого какого-то политического режима. Процесс революционной смены парадигм в экономической науке, о которой писал Т. Кун, требует отдельного исследования и разговора. В-третьих, чем выше уровень специализации какой-либо школы или течения, тем меньший период времени истории оно охватывает, превращаясь в мертвую, т.е. прошедшую информацию. К тому же узкая специализация делает полученные аналитические выводы... бессодержательными. В-четвертых, чем фундаментальнее подход ученого или группы, тем труднее им доказать свои теоретические постулаты и итоги. К тому же, как правило, эти ученые могут очень долго пребывать в забвении вплоть до счастливого случая. Можно также предположить, что революционеров

экономической науки формировали ранее и создают сейчас... Например, титул Нобелевской премии, присуждаемой по определенным критериям, чем не доказательство высказанного выше тезиса? В-пятых, только сотая доля процента экономистов разного профиля понимают роль классового, социального, группового, индивидуального интереса или мотива, который в любом случае продвигается, лоббируется той или иной идеей, концепцией или теорией. В-шестых, экономическая теория и практика, имея при этом циклическую природу, редко пересекаются, где, впрочем, и подтверждается теоретическая сущность. И чем фундаментальнее подход, тем выше амплитуда отклонения теории от практики. К тому же известность, как правило, особенно при жизни приобретают не инициаторы идей и даже разработчики полноценных концепций, а часто люди случайно оказавшиеся с некоторым новым понятием или категорией. По крайней мере об этом свидетельствуют разработанные (???) и получившие название законы Грэшема, Энгеля и даже Кейнса. Я не исключаю, что автор и авторы, внесшие вклад в теорию хозяйства, будут как-то обозначены в экономографии и отмечены историками науки по заслугам. Наконец, воплощаются в практику по преимуществу не доминирующие и даже не лучшие для своего времени идеи и теория, а чаще всего неотработанные по многим параметрам идеи некоторых программ, которые оказались легче для восприятия да к тому же тяготеющих по своему мировоззрению политиков или руководителей фирм.

Собственно, эти мысли высказаны для того, чтобы обозначить трудный путь исканий весьма своевременной *теории хозяйства*, междисциплинарной научной отрасли, не имеющей большой истории эволюции. Если же учесть ее междисциплинарный характер, то вполне объясним факт любопытства к идеям данной теории, но с элементом некоего сциентистского скепсиса.

...Нет пророка в своем Отечестве - для Руси

Первые мысли о практической роли политэкономии возникли в середине 80-х годов прошлого столетия, когда весьма бурно обсуждали пути повышения эффективности социалистической экономики, а, следовательно, и направления обновления политэкономии социализма как теоретической основы экономической политики. У автора этих строк крамольные мысли для того времени о несоответствии теории с практикой появлялись еще в период учебы на отделении политэкономии Белорусского государственного университета. Возникало много вопросов и под влиянием оживших дискуссий, и, естественно, под влиянием изменяющейся практики как в целом в мире, так и у нас в стране СССР. Однако незаметным для большинства рассуждающих профессионалов и любителей о «путях перестройки» оказалось закамouflированное смещение акцента с поиска расширения путей повышения эффективности в рамках социалистической доктрины на никем недоказанный, но неосознанно

принятый тезис — «альтернативы ранку нет». Конечно, последнее принципиально меняло содержание дискуссии, но еще раз отметим, что такая замена одной идеологической доктрины или основополагающей аксиомы на другую оказалась полностью незамеченной не только экономистами, но и политэкономами (!?), представителями всей гуманитарной сферы. Неискушенные ни, прежде всего в практике капиталистического хозяйствования, ни в теории советско-социалистические экономисты, физики, химики, математики и пр. в рамках своих интуитивно-мировоззренческих представлениях, начали рассуждать о возможностях построения уже рынка с «человеческим лицом». С позиций сегодняшнего дня многое, что происходило два десятка лет, кажется уже наивным. Обратившись, однако, к недавней истории, публикациям того времени, можно убедиться в том, какой серьезный резонанс получила «Программа 500 дней». Серьезные мужи с серьезными научными регалиями в прессе и на телевидении, радио страстно пытались обосновать возможности такой быстрой институциональной трансформации... Страсть и эмоции заменили логику, но пока вброшенная в горнило дискуссий ложная по своей основе идея отвлекает внимание научного люда, приближенные к политике смышленные игроки приватизировали власть, банки, основные ресурсы. Обосновывали же их программы за большие деньги зарубежные экономисты, политологи, которые у русского человека как всегда не по странности случайной пользовались доверием, но которые и на Западе были малоизвестны как специалисты, и которые мало что смыслили в истории, культуре, идеологии и всей жизни молодых, но бурно и непредсказуемо реформирующихся стран. Однако все это экономическое перераспределение ресурсов посредством чековой приватизация (величайшая ложь 20 века пока никем не осмысленная) происходила уже *после* тихой и незаметной подмены того, что делает людей людьми и что цементирует общество, народ — подмены идеи лжеидеей некоего мифического рынка. О последнем и теперь мало найдешь вразумительного, а тогда уж эта форма организации общественного производства казалась божественным откровением и панацеей от всех социальных и экономических проблем. Что же касается смены идеологической доктрины, то, точнее говоря, произошло устранение через разрушение разными методами прежней идеи, которая придавала смысл всей жизни прежней хозяйственной системы. Новая же система, которая ныне как-то и в чьих-то интересах (?) функционирует, до сих пор не приобрела даже своих экономических координатных основ, не говоря уж о нравственно-этических нормах, культурных ценностях, политических правилах, эффективных и справедливых (!) юридических законах и пр. Как оказалось, и это звучит сегодня откровением, в этой новой системе голословных постулатов о примате частной собственности и насаждение денежного эгоизма для действительно эффективного функционирования экономики в ракурсе институционально-социального равновесия

действительно мало. В Белоруссии роль и значение института идеологии поняли ранее и несколько лет пытались ее сформулировать, призвав уже на помощь ученых. Уместно, однако, заметить, что когда разрушали прежнюю идеологию и сопровождающую ее систему ценностей, никто этих ученых не спрашивал о последствиях такого явления... «Работает» ли эта идеология, содержание которой обсуждалось на разных уровнях и на тему которой написано десятки книг? По крайней мере, не мешает, поскольку массовое обсуждение этого вопроса подвело к пониманию, что не хлебом единым жив человек и не только деньги являются целью жизнедеятельности человека. По социологическим опросам для белорусов деньги в структуре ценностей стоят во втором десятке приоритетов. Первые же места занимают гостеприимство, трудолюбие, профессионализм и другие ценности.

Некоторые страны, и Россия здесь также не является исключением, также пытаются осмыслить *неэкономические факторы и условия человеческого развития*. Подчеркнем, не экономического роста, не увеличения доходов, накопления богатства, сбережений и прочих параметров узко утилитарного толка, а именно среды обитания человека и человечества, обеспечивающей интенсивное расширенное воспроизводство не только производительных сил, но и производственных отношений. Критерием же развития, как представляется, выступает *прирост социального капитала*, если использовать известную терминологию, а не прирост только прибавочной или добавленной стоимости. Но экономисты почему-то пекутся лишь о росте доходов в целом и росте богатства. Даже А. Смит в определении *богатства народов* выходил за рамки физического и стоимостного его представления. А В. Пети включал в богатство нации его производственно-технологический опыт. Напомним также об остатке Солоу, составляющем более 60%, но который необъясним с точки зрения традиционной факторной теории роста.

В 80-е годы, пытаясь ответить на вопрос о причинах низких доходов учителей, врачей, ученых, инженеров, автор пришел к заключению, что остаточный принцип формирования доходов этой представительной, но беднейшей части населения есть всего лишь следствие теоретического постулата о непроизводительном труде этой сферы экономики, не приносящем (?) ни атома национального дохода. Вот этим маленьким штрихом мы уже хотели показать не методологическую, эвристическую или объясняющую функции экономической науки, а ее мировоззренческо-хозяйственное значение с определенными последствиями. Мыслительный процесс оказывается тоже хозяйственный процесс и заложенные в нем концептуальные основы могут иметь непосредственно практическое воплощение, например, как в данном случае в доходах.

Со времен Кейнса утвердилась инфляционно-долговая парадигма. Сейчас почти никому в голову не придет мысль подвергнуть сомнению возникший термин «нормальная инфляция» или «безопасный

государственный долг». А ведь 1.5-2% «нормальной инфляции» при 60 триллионном мировом ВВП позволяет кому-то (никто не берется это объяснить) присвоить через финансовый механизм более 1 триллиона долларов созданного в мире богатства на «законной» юридической, но крайне сомнительной с экономической точки зрения основе.

Текущий финансовый кризис, называемый ипотечным, опять-таки показывает, как ненормальное с классическо-жизненных позиций превращается в нормальное, которому почти никто не возражает и не сопротивляется. Правительства ряда стран выделяют огромные средства из государственных бюджетов (!), чтобы, как утверждается, предотвратить, финансовый кризис. Но чей это кризис, что это за кризис и чья вина такого положения вещей? Получается, что играют одни, выигрывают другие – крупный финансовый, а точнее фиктивный капитал, а проигрывают, в конечном счете, все, кто к этому не имел никакого отношения. Рынок породил антирынок, экономика породила антиэкономику, идея породила антиидею, жизнь породила и порождает антижизнь, а человек античеловека, ... И тогда, если продолжить данный ряд, наука воссоздала свою противоположность – антинауку. Конечно, логичным будет выделить и особую группу представителей и носителей последней – антиученых, т.е. антиэкономистов. Безусловно, что вряд ли кто себя отнесет к данной категории представителей.

и а, следовательно, и экономической деятельности. Точнее ее отсутствием. И если страны абстрактным рынком. Но рынок лишь дополняет жизненное устройство человека... Итак, переходный период закончился !?. Что же дальше ? Вопросы ...

...Фундаментальность теории хозяйства лишает ее коммерческого начала, поскольку это продукт, имеющий характер общественного блага, которым пользоваться желают все, но за который никто не хочет платить.

...Нынешняя реальность это реализованная и материализованная вчерашняя теория...

..Например, как теория может влиять на практику. Тихо и незаметно – почему ученые , учителя , врачи и пр. получали мало...А потому, что национальный доход они не создавали, а лишь получали зарплату через перераспределение ....

...Неоклассику вообще интересует обмен и функционирование экономики, а не ее устройство и тенденции к развитию...

Праксиология...

...И богатые и бедные оказались объединенными тем, что они потеряли смысл жизни...

До сих пор есть миф, что рынок в России и Бел можно построить с человеческим лицом и без капитализма, что , но на поверхностном уровне, а на более глубоком ...сущностном уровне.

...У амер. деньги ради денег и у Европ. – деньги ради жизни. У российских людей день никогда не .....в приоритете своих ценностей...

Никто не отрицает, что экономика может обходиться без людей. А это значит, что у нее может быть также душевное заболевание, как и людей, которые пытаются по-прежнему лечить денежными методами

Чтобы империя могла стать реальной империей надо претворить в жизнь мирового сообщества свои идеи, которые бы покорили другие страны.

...Есть ли у русских своя идеология или философия жизни??? Они выстроят ее тогда, когда поймут свое собственное «Я», свою страну...

Но, может, ее пространство, нации..., ресурсы не осмысленны, чтобы их как-то рационализировать, не проведена какая-то инвентаризация...

.... В теории хозяйства аккумулируется общечеловеческая идея... Человеческие ценности есть, но общечеловеческой теории – нет.

...

....Об аксиоматическом начале теории хозяйства, в чем и ее сложность...

Парадоксально то, что рыночная система, функционирующая на принципах либеральных и демократических ценностей, осваивая в процессе развития новые ресурсы, технологии и формы отношений, создали экономическое пространство, утверждающее свою противоположность поведения – *неравенство, информационно-финансово-политический тоталитаризм, автократию*. Этика А. Смита нашла эффективные и справедливые для своего времени экономические принципы реализации морально-нравственных идеалов. Сегодня ни экономика, ни этика *не освоили* всей остроты возникшее новое *противоречие*, что и обеспечило, на наш взгляд, ситуацию "*расколотой цивилизации*".

Таким образом, переход от одной утопии к другой, не сопровождающейся необходимой рефлексией, приводит не менее к парадоксальным практическим результатам. Например, всеми как-то очень серьезно, если судить по остроте дискуссий тех времен, обсуждался так называемая программа 500 дней. И дело, может, даже не в абсурдно коротком сроке, отведенном на фундаментальные трансформации базовых институтов. Дело в том, «основоположники современной реформы» заложили в нее ... план приватизации. Как и его социалистический аналог – план производства – он имел цель (?), сроки, этапы, мероприятия, ряд количественных показателей. «Теоретики» реформ, наконец, следуя примеру «советских бюрократов», навязывают свои собственные предпочтения и приоритеты, интересы и мотивы всем участникам

процесса смены собственника. И, конечно, в это поверили. Но последнее обстоятельство никак не связано с наукой, поскольку понятие «веры» связано в первую очередь с религией. Цели реформ ориентированы на создание абстрактной модели рынка, нигде в мире не существующей, а критерием завершенности переходного периода объявляется выполнение «плана приватизации», т. е. смены собственника. Неважно, что в результате разрушения социального капитала практически во всех постсоциалистических странах снизилась в несколько раз эффективность имеющихся ресурсов со всеми вытекающими отсюда последствиями. Иначе говоря, если в целом "западная экономическая наука" испытывала самые серьезные проблемы в выполнении эвристической, прогнозной и других функций, то в силу своих избранных методологических позиций, установок, отбросив институты за пределы своего внимания, оказалась вообще невооруженной перед проблемой освоения изменившейся мир-системы и познания коренных структурных реформ. Действительно, критерием завершенности переходного периода по-большевистски объявляется формально завершившийся процесс приватизации, но что дальше? Ведь реально проблем стало значительно больше, чем до начала объявленного периода "системных трансформаций", а теоретически аргументированных ответов на вызов этих проблем ничуть не добавилось.

Как Маркс подчеркивал необходимость логического построения единой теории капитала из категории *стоимость товара*, так и антимаркс Бем-Баверк обращает внимание на такую же эволюционную идею развития теории, но уже из категории *ценность*. За такими утверждениями скрыта обеспокоенность за расчлененность знания, которое заложило основу для искажения общей сложной картины социально- и политико-экономического мира. "Наука, — отмечал М. Планк, — представляет собой внутреннее единое целое. Ее разделение на отдельные области обусловлено не только природой вещей, сколько ограниченностью способностей человеческого познания. В действительности существует непрерывная цепь от физики и химии через биологию и антропологию к социальным наукам, цепь, которая ни в одном месте не может быть разорвана, разве лишь по произволу" [7, 246]. Переходные этапы, которые, кстати сказать, преобладают в эволюции экономики и общества, оказываются наиболее уязвимыми с точки зрения адекватности восприятия происходящих в них процессов и формирования правильной экономической политики. И нынешняя системная реформа, охватившая не только *все стороны* социально-экономической жизни известных транзитивных государств, но и практически все государства мира, является тому ярким подтверждением.

Вторая крупная научная проблема лежит в плоскости определения предмета философии хозяйства и определении ее парадигмальной основы. Речь идет именно о том начале, которое фиксирует ее институциональный каркас.

Различные возможные модели и уровни хозяйствования излагаются в оригинальной книге Ю. М. Осипова "Теория хозяйства" [8], других фундаментальных произведениях. Представляется, по методологическому подходу, кругу излагаемых проблем, своим целям и задачам вышеназванная книга близка к понятию "современной политической экономии", хотя и отличается от последней, прежде всего, своей попыткой сохранив идеолого-политическую нейтральность, выйти в исследовании за пределы чисто экономики, обратившись к более широкой категории "хозяйство". Осмысливая предложенные идеи, мы бы предложили предмет и место "Теории хозяйства" интерпретировать в схеме 1. Таким образом, структуру современной теории экономики, отражающей сложную, но единую систему практики хозяйствования, можно отразить в схеме 1, которая фиксирует и *предмет науки*. На схеме показано, во-первых, то, что всегда как бы "оставалось за кадром" при обращении только к определению предмета одного течения или одной экономической школы в науке. В контексте данных рассуждений можно также отметить не присутствующие зримо в теории, но активно влияющие на весь ход и результаты исследований, личностные установки, мировоззренческую позицию самого субъекта, безусловно, стремящегося быть предельно объективным, однако проявляющего субъективизм. Во-вторых, экономисты, увлекаясь *собственно экономическими* исследованиями, часто забывают и не учитывают парадигмального основания, царящего в той или иной школе и играющего чрезвычайно активную роль в процессе исследования и в выводах. Ошибки или возможные "неточности" научных исследований при сопоставлении друг с другом в таком случае не выявляются. Если рассмотреть *предметно-парадигмальную взаимосвязь*, то окажется, что у каждой школы есть свои преимущества, равно как и свои "слабости". В-третьих, "умножая вынесенный за скобки *общий знаменатель*", который отличает одну парадигму от другой, исследуемые проблемы можно значительно *обогатить и усилить инструментарием, методами* современной политической экономии. В-четвертых, надо понимать соотношение предметной части науки и ее формальных форм. "Хотя математика и представляет собой ценное средство, — пишет, например, М. Алле, — она является всего лишь средством. Современная экономическая литература в течение почти сорока пяти лет часто развивалась в совершенно ошибочном направлении: в сторону создания искусственных и полностью оторванных от реальности математических моделей. В ней все более и более господствует математический формализм, который по самой своей сути представляет огромный шаг назад" [9, 18].

Что же касается парадигмальной субстанции, то, нам представляется, в агрегированном виде с учетом истории, философии, права, собственно экономики, природно-региональных особенностей их можно выделить четыре. В частности этическое начало присутствует в философии хозяйства английской политэкономии, конституционно-правовая основа

лежит в американской модели хозяйствования, историко-культурные корни характеризуют континентальную западноевропейскую науку и жизнь. В славянской же модели хозяйствования (Российско-Белорусско-Украинский регион) доминирует патриархально-самодержавная субстанция.

Таким образом, при всем притом, что философия хозяйства в официально признанной структуре современной экономической науке как бы и не заявлена, все же в неявном виде она присутствует в любом научном направлении или школе. Хотя, правда, и в усеченном виде. Но философия хозяйства "опасна" тем, что не только ставит острые практические вопросы, но и целостно и практично, по-человечески на них отвечает. Конечно, не вся такая правда "чистым денежным экономистам" нравится, признается. Собственно, это объяснимо. Но истину не скроешь.

Схема 1. Предмет теории хозяйства (логико-исторический аспект)
(В альбомном варианте, см. отдельный файл, на страницу).

Литература

1. Экономическая теория на пороге XXI века / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Т. Пуляева. СПб, 1996.
2. Кейнс Дж. Избранные произведения. М., 1993.
3. МакКлоски Д.Н. Полезно ли для экономической науки прошлое? // THESIS. 1993. Вып 1. № 1.
4. Бердяев Н.А. Философия свободы: Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1997.
5. Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. М., 2000.
6. Баумоль У. Чего не знал А. Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики. 2001. № 2.
7. Чепиков М.Г. Интеграция науки (философский очерк). М., 1975.
8. Осипов Ю. М. Теория хозяйства: В 3 т. – М., 1998.

9. *Алле М.* Единственный критерий истины – согласие с данными опыта // Мировая экономика и междунар. отношения. 1989. № 11.

ЛЕМЕЩЕНКО Петр Сергеевич
доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой
теоретической и институциональной экономики экономического факультета
Белгосуниверситета, г. Минск

(220030, комн. 203, 410, кафедра теор. и инстит. экономики, эконом. факультет,
Белорусский государственный университет,
пр-т Независимости, 4, г.Минск, Республика Беларусь; тел.: сл. 222 35 93, 222 36 01;
адрес дом.: 220100, д. 78, кв. 493, ул. М. Богдановича, Минск, т/факс 331 96 64;
е-mail: кафедры - caftiec@bsu.by; индивидуальн. - lemeshchenko@bcse.by)

...О том, как идеи Осипова пересекаются с другими зарубежными авторами...